

ПОИСК СМЫСЛОВ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ СВО КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ: ПОСТМОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПЕРЕХОД И ЗАПРОС НА НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ

Аннотация

В статье рассматривается концепция социальной архитектуры (2025) как дискурсивно-управленческой рамки, продвигаемой в официальной риторике в качестве целенаправленной деятельности по проектированию и организации общественно значимых изменений, объединяющей стратегическое видение будущего, масштабные инициативы и конкретные практики в единую систему, направленную на развитие новых социальных систем [7]. На материале официальных формулировок доверия (включая параметризацию через «честность/возможности/мотивацию/дистанцию») анализируется смещение доверия из сферы политико-институциональных отношений в область управляемых параметров и КРІ. В качестве проблемного поля выделяется поиск смыслов постмобилизационного перехода после завершения СВО: распад внешнего объяснителя усиливает фрагментацию запросов и снижает надежность контуров обратной связи.

Ключевые слова: социальная архитектура, доверие, обратная связь, постправда, спираль молчания, дискурс-анализ, социальный контракт.

Автор

Шелкова Мария Владимировна

Студентка факультета политических исследований
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Москва, Россия)



Введение: почему *после* может стать не точкой, а воронкой

В публичной повестке усиливается обсуждение траекторий перехода к миру и возможных переговорных контуров вокруг конфликта, и в этой рамке завершение СВО все чаще мыслится не как финальный кадр, а как вход в новую фазу неопределенности — внутренней пересборки оснований легитимности, доверия и языка будущего. Методологически это важно: постконфликтное состояние в современных обществах нередко становится не периодом разрядки, а фазой ускоренной реконфигурации норм, ожиданий и символических оснований совместной жизни.

На этом фоне в 2025 г. в управленческой и публично-политической лексике закрепляется термин «социальная архитектура», который продвигается как формирующаяся профессиональная область и профессия будущего. В официальной логике соцарх описывается как переход от разовых кампаний к системному проектированию общественных процессов, снижению дистанции и развитию обратной связи. Особенно показательны материалы, связывающие социальную архитектуру с ценностно-смысловыми линиями и с задачей выстраивания стратегий будущего через социальное моделирование и практики социального проектирования [7].

Одновременно публичные материалы «Конкурса социальных архи-

текторов», прошедшего на площадке мастерской управления «Сенеж», и его сайта демонстрируют выраженную «зонтичность» понятия: к практикам социальной архитектуры относят и процедуры участия (общественные слушания, инициативное бюджетирование, развитие территориального самоуправления), и идеологически нагруженные направления (патриотическое воспитание, традиционные ценности), и просветительские форматы, и отдельно — развитие механизмов обратной связи [3]. Такая широта — ключевой исследовательский факт: на текущей стадии соцарх функционирует не как дисциплина со стабильными стандартами компетенций и проверяемыми результатами, а как рамка описания и язык легитимации широкого спектра вмешательств в социальную среду [2; 4].

Научная проблема статьи состоит в следующем: как официальный дискурс социальной архитектуры конструирует доверие и обратную связь как управляемую архитектуру — и в какой мере эта конструкция способна ответить на поиск смыслов постмобилизационного перехода после завершения СВО.

В качестве гипотезы выдвигается тезис, что соцарх в своей текущей публичной конфигурации склонен подменять политико-институциональные основания доверия (ответственность, проверяемость, процедурная прозрачность) дизайном каналов коммуникации и эмоционально-нормативными фреймами; в условиях постправдовой публичности это усиливает краткосрочную управляемость, но создает риски деградации реальной обратной связи [1; 7].

Теоретико-методологическая рамка

Исследование строится на связке четырех оптик:

1. Критический дискурс-анализ (КДА). Социальная архитектура рассматривается как текстовая машина: дискурс не только описывает реальность, но задает роли и субъектности (кто проектирует / кому проектируют), нормы (что «должно быть») и критерии успешности (какой результат считается «ощутимым» и «доверительным») [8].

2. Постправда как контекст функционирования дискурса. В постправдовой среде сообщения конкурируют не столько фактами, сколько рамками интерпретации, морально-эмоциональной убедительностью и принадлежностью к «своим» интерпретационным сообществам; при этом контур обратной связи деградирует как механизм рационального сопоставления политики с опытом повседневности [5]. Оптика симулякров показывает, как эффекты доверия могут производиться и воспроизводиться символически, даже при слабой проверяемости реальных оснований доверия [1].

3. Спираль молчания (Э. Ноэль-Нойман). При высокой воспринимаемой санкционности публичной среды растут самоцензура и социальная желательность ответов; публичная карта мнений «выпрямляется», а реальная уходит в приватность [4]. Это напрямую бьет по обратной связи: она начинает измерять не только убеждения, но и готовность говорить.

4. Пресуппозиции как микромеханика дискурса. Политико-управленческие тексты способны «вшивать» спорные тезисы в формат само собой разумеющегося через экзистенциальные, пропозициональные и оценочные пресуппозиции; их манипулятивный потенциал в политической коммуникации подробно описан в лингвистических исследованиях [2]. В случае соцарха ключевыми становятся пресуппозиции вида: «существует единый запрос», «доверие можно «собрать»», «дистанция снижается дизайн-решением», «обратная связь ремонтируется каналами» [7; 8].

Кризис смыслов после: постмобилизационная смысловая воронка и распад объяснительных моделей

Мобилизационный период обычно структурирует государственную коммуникацию вокруг сверхобъединяющего нарратива, задающего бинарный код («мы/они», «угроза/защита») и повышающего плотность событийности. На уровне управления это создает эффект объяснительной универсальности: внешняя рамка становится быстрым ответом на широкий спектр социальных вопросов.

После завершения конфликта внешней «фронт» ослабевает как универсальный объяснитель. Триггер «осажденной крепости» теряет прежнюю объединяющую силу, а внутреннее поле становится главным местом концентрации внимания. Именно здесь возникает риск смысловой воронки: прежние модели интерпретации перестают работать, а новые еще не предложены (или предложены декларативно). В терминах постправды это выглядит как переход от режима, где доверие удерживалось преимущественно эмоционально-нормативными рамками, к режиму, где доверие начинает требовать рационализации — процедур, понятных последствий и переводимости решений на язык повседневной жизни [7].

Экономическая система, как правило, имеет технические механизмы адаптации: бюджетная перенастройка, смена стимулов, перераспределение приоритетов. Но символический порядок (легитимация, общий язык целей, образ будущего, границы допустимой дискуссии) перестраивается медленнее. Отсюда возникает двойное напряжение: социально-психологическое («что дальше?» и «как вернуть нормальность?») и политико-идеологическое («какая цель теперь?» и «какая рамка будущего?»). В ситуации постправды этот разрыв усиливается:

люди хуже реагируют на декларации, потому что декларации перестают совпадать с опытом повседневности и с наблюдаемыми практиками институтов [5].

Постконфликтный период почти неизбежно перераспределяет символический и организационный капитал внутри управленческой системы. Язык безопасности получает способность объяснять почти все и выступать универсальной оправдательной рамкой. Одновременно блоки развития (социальная политика, инфраструктура, образование, экономика) вынуждены конкурировать за определение «правильного курса». Возникает двуголосие рациональности: логика безопасности и логика развития расходятся по приоритетам и способам аргументации. Следствие — неоднородность сигналов и рост неопределенности относительно того, что считать нормой и какие решения будут признаны легитимными *после*.

В мобилизационной фазе горизонтальные линии напряжения частично «сшиваются» вертикалью, а альтернативные позиции уходят в приватность. Здесь хорошо работает модель спирали молчания [4]. После завершения конфликта линии возвращаются как разные запросы на будущее: одни группы ориентируются на сохранение мобилизационной рамки и моральной ясности, другие требуют нормализации и предсказуемых правил, третьи фиксируют запрос на обычную жизнь и снижение плотности навязанных событий.

Критическое следствие для управления: институциональные измерители (опросы, публичные обсуждения, каналы обратной связи) становятся менее надежными, потому что стимулы молчания и социальной желательности не исчезают, а «карта смыслов» распадается на подкарты [5; 7]. Государство теряет точность «социальных датчиков» ровно в тот момент, когда точность нужна максимальная.

Почему это становится предметом социальной архитектуры: официальная логика и критическое чтение

Официальный дискурс соцарха предлагает именно здесь восстановительный ответ: собрать доверие, снизить дистанцию, выстроить обратную связь и сформировать образ будущего [8]. В презентационной модели А.Д. Харичева социальная архитектура содержит два уровня:

- **социальное моделирование** — сценарии, прогнозы, образы будущего и стратегические ориентиры;
- **социальное проектирование** — конкретные практики и проекты в настоящем, которые должны воплощать выбранный образ будущего [8].

Именно после завершения конфликта такая конструкция выглядит особенно релевантной: дефицит смыслов требует рамки будущего, дефицит доверия требует восстановленного контура обратной связи. Однако «зонтичность» понятия производит двойной эффект. С одной стороны, она позволяет быстро накрывать разные управленческие направления единым языком [7]. С другой же — размывает границы ответственности и усложняет операционализацию: если соцарх это почти все, то чем измеряется результат и кто отвечает за провал/успех [2; 4].

Ключевой узел официального дискурса — доверие как управляемая величина. В материалах А.Д. Харичева доверие прямо представлено как конструкция, сводимая к параметрам, включая знаменитую формулу: «Доверие = (Честность + Возможности + Мотивация) / Дистанция» [7]. Этот ход важен исследовательски: политикоморальная категория доверия переупаковывается в управленческую (параметризуемую) задачу, удобную для КРП-логики и технологического дизайна практик. Но в постправдовой среде

именно здесь накапливается риск: когда доверие мыслится как результат настройки факторов и оформления коммуникации, процедурная сторона (проверяемость решений, распределение ответственности, защищенность говорящего) может уходить в тень [5].

Мини-анализ официальной риторики: где именно рождаются риски для обратной связи

Официальная лексика соцарха строится вокруг глаголов «проектировать», «моделировать», «организовывать изменения», «создавать механизмы» [8]. В такой грамматике общество легко оказывается объектом настройки, а государство — субъектом дизайна. На уровне дискурса это поддерживает асимметрию: обратная связь мыслится как «механизм», а не как политическое отношение равноправного диалога.

Формульное описание доверия создает впечатление, что доверие можно «собрать» технологически, путем правильного сочетания честности/возможностей/мотивации и снижением дистанции [7]. КДА читает это как легитимирующую трансформацию: конфликтная и трудно измеримая категория превращается в технологическую задачу настройки параметров. Но в терминах постправды возникает подозрение на симуляцию: если «эффекты доверия» воспроизводятся прежде всего на уровне языка и отчетности, то риск расхождения между символическим порядком и повседневным опытом только растет [1; 7].

Перечень практик конкурса показывает, что в единый пакет собираются несводимые вещи: участие, воспитание, ценностное продвижение, ЗОЖ, просвещение и обратная связь [3]. Это дискурсивно поддерживает пресуппозицию «единого запроса общества», который будто бы может быть удовлетворен единым набором инструментов. Но в постмобилизационном переходе

общество неизбежно фрагментируется, и «единый запрос» становится скорее управленческой метафорой, чем эмпирическим фактом. Здесь анализ пресуппозиций особенно полезен: спорные основания вшиваются в «само собой разумеющееся» и перестают обсуждаться как политический вопрос [2].

Поворот к мирной повседневности как управленческая рациональность

В постконфликтной ситуации государственная коммуникация объективно вынуждена переходить от языка мобилизации к языку мирной нормальности: здоровье, образование, труд, инфраструктура, качество жизни, понятные процедуры и защищенность гражданина в контакте с институтами. Это не мягкость, а управленческая рациональность: общество, уставшее от высокой плотности мобилизационных смыслов, хуже реагирует на декларации и лучше на проверяемые действия. В логике постправды обещания быстро обесцениваются, если не переводятся в процедуры и наблюдаемые практики [5].

Отсюда практический вывод для социальной архитектуры: ее центральной задачей становится не производство лозунгов, а производство доверия через процедуры: прозрачность, реальную обратную связь, защищенность коммуникации гражданина с государством, снижение дистанции через практики ответственности и проверяемости. В этом смысле соцарх должен проектировать не «эмоциональную мобилизацию», а социальную устойчивость — способность общества возвращаться к нормальности без необходимости постоянного внешнего врага как универсального объяснителя.

Заключение

Постмобилизационный переход, наступающий после завершения СВО, может стать смысловой воронкой: исчезновение внешней рамки как универсальной смыслообразующей структуры делает внутреннее поле главным местом неопределенности, фрагментации и конкуренции за язык будущего. В этой фазе социальная архитектура потенциально релевантна, но только если она проектирует мирную нормальность, а не воспроизводит мобилизационный режим как бесконечный смысл.

Официальная риторика И.О. Харичева задает сильную управленческую конструкцию (двухуровневую модель «социального моделирования» и «социального проектирования») и переводит доверие в параметризуемую форму, включая формулу «доверия» и акцент на снижении дистанции [7]. Официальный язык систематически описывает доверие как конструируемый эффект (параметры/каналы/дистанция + ценностно-смысловой каркас), тогда как институциональные основания (проверяемость решений, процедурные гарантии, ответственность, защита говорящего) в этой рамке появляются вторично и не задаются как самостоятельный механизм доверия.

Критическое прочтение показывает: риск смещения соцарха в технологию управления доверительным эффектом без устранения структурных причин самоцензуры и деградации обратной связи остается высоким [1; 2; 4; 5]. Поэтому прикладная перспектива социальной архитектуры в период *после* должна начинаться с реформирования измеримости общества: процедурная прозрачность, защита говорящего, понятные правила обратной связи и демонстрация результата через проверяемые действия — это и есть базовый мирный социальный контракт, без которого неопределенность будет только усиливаться.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. — М.: Постум, 2015. — 240 с.
2. Голубева Т.М. Прагматический и манипулятивный аспекты использования пресуппозиций в американском политическом дискурсе // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2015 — Т. 12, № 4 — С. 21–25. — DOI: 10.14529/ling150405.
3. Конкурс «Социальные архитекторы»: официальный сайт. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://социальныеархитекторы.рф/> (дата обращения: 25.11.2025).
4. Нозль-Нойман Э. Спираль молчания. Общественное мнение — наша социальная кожа / Пер. с нем. — М.: Прогресс-Академия: Весь Мир, 1996. — 352 с.
5. Феофанов К.А. Постправда — фактор деградации социально-политического дискурса // Обозреватель–Observer. — 2023. — № 2 — С. 36–51. — DOI: 10.48137/2074-2975_2023_2_36.
6. Институт общественных наук Президентской академии (РАНХиГС). Завершился финал конкурса социальных архитекторов: новость от 27.10.2025. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ion.ranepa.ru/> (дата обращения: 26.11.2025).
7. Харичев А.Д. Социальная архитектура: от запросов в настоящем к горизонтам будущего // Блокнот гражданского просвещения. — 2025. — № 12 (август-сентябрь) — С. 4–10.
8. Ведомости. Чем закончился первый конкурс социальных архитекторов: статья. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 26.11.2025).